

Антонюк Ольга Александровна, Драбкина Инна Владимировна

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВВЕДЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛЕКСИКИ, ЗАИМСТВОВАННОЙ ИЗ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА (ЯЗЛ), В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/10/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 10 (41). С. 191-194. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'42

Ольга Александровна Антонюк, Инна Владимировна Драбкина
Самарский государственный университет

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВВЕДЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
ЛЕКСИКИ, ЗАИМСТВОВАННОЙ ИЗ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА (ЯЗЛ),
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ[©]

Употребление заимствований в художественном тексте как особый авторский прием привлекает в последнее время все более пристальное внимание лингвистов (Сидоренко, 2001; Колесова, 2005), при этом особое внимание уделяется изучению семиотических, идиостилистических и прагматических аспектов функционирования заимствований. Известно, что «в художественном тексте каждый элемент языка может иметь художественную значимость. Эту значимость языковые элементы имеют не как автономные, изолированные единицы, а приобретают ее в контексте» [3, с. 52]. Следовательно, иноязычные заимствования, используемые писателями, тоже играют существенную роль в системе текста, способствуя реализации коммуникативных интенций и стратегий автора, реализации его художественного замысла. Так, И. В. Арнольд отмечает, что «художественный образ как одна из форм отражения реальной действительности есть особая форма; специфика художественного образа состоит в том, что, давая человеку новое познание мира, он одновременно передает и определенное отношение к отражаемому» [1, с. 30]. Заимствованная лексика в художественном тексте составляет самостоятельную полифункциональную группу, она вплетена в «ткань произведения» и является средством введения дополнительной когнитивной и эстетической информации.

Уже давно в работах ученых-литературоведов и лингвистов получила теоретическое и практическое оформление идея «полисемантической» художественного текста с категориями статики и динамики в ее основании. Первая категория выражает завершённый, целостный характер литературного произведения, а вторая указывает на существование многочисленных прочтений, интерпретаций оригинального текста. Интересно заметить, что в некотором отношении категория «динамики» получает свое отражение и в лексической группе заимствований, так как она состоит из иностранных элементов, значение которых становится известно читателю благодаря авторской интерпретации.

Материалом исследования послужили оригинальные и переводные тексты романов современных англоязычных авторов. Данные тексты представляют собой примеры таких литературных жанров, как исторические, любовные, детективные романы, фэнтези. Они отличаются тематическим единством, в основании которого - повествование о современной и исторической жизни Японии и японцев.

Фактор «национального мышления» в интерпретации культурных явлений играет ключевую роль, разные писатели обращают особое внимание на разные стороны жизни и реалии описываемой ими чужой культуры. Автор художественного произведения предстает как демиург, создающий особый мир экзотической для носителей английского языка японской культуры и ее представителей.

Автор художественного произведения, описывающего «чужую» культуру, сталкивается с полярными задачами: с одной стороны, он должен насытить свое произведение колоритом, духом «чужой» культуры, с другой стороны, его текст должен быть понятен среднему читателю-носителю той же культуры, что и автор. Писатель сталкивается с проблемой, сходной с проблемой социокультурной адаптации при переводе. Поэтому на этапе создания «ткани произведения» и введения заимствованной лексики в текст автору важно решить две основные задачи: определить функциональную значимость и целесообразность того или иного заимствования и найти способ введения заимствования в текст, благодаря которому значение иноязычной лексемы не останется для читателя загадкой.

В результате исследования лексического «окружения» иностранной лексемы можно выделить следующие способы введения заимствования в художественный текст:

1. заимствование и его эквивалентный перевод, предлагаемый в рамках узкого контекста:

«*Her wa - her harmony - was very strong*» (Miko);

2. заимствование и его краткое пояснение (описательный перевод):

«*The Colonel got up from the table and, putting his arm around his son's shoulders, opened the shoji - sliding paper and wood walls - so that they could walk outside together*» (Ninja).

«*My great-grandfather left the service of the shogun when he was twenty-eight to become a ronin - do you know what that is?*

- *A masterless samurai.*

- *A warrior without honour, yes. A brigand, a thief*» (Ninja).

«*What in fact he had made was a hito washi, what some ninja called "the human eagle. It was a makeshift glider*» (Miko);

3. **займствование и его многословное толкование, последовательное развитие содержания на протяжении всего текста:** иллюстрацией данного способа служит детальное раскрытие культурного концепта на протяжении всего романа. Здесь следует указать на существование **прямой закономерности** между **заглавием романа и ведущей тематической группой займствований**. Так, например, заглавие романа Эрика Ван Ластбадера «Ninja» настраивает на то, что в тексте появится не только подробное описание исторического образа японского наемного убийцы, но и множество примеров терминов военной тематики;

4. **займствование без перевода, о значении которого читатель может догадаться самостоятельно, используя контекст:**

«*Nicholas watched her leave as she slipped on her geta at the threshold*» (Ninja).

Даже не зная значения слова наверняка, можно предположить, что так называется обувь.

«*Nestled within his palm was an exquisitely carved netsuke of a horse with its head down, its forelegs raised as if set for flight or to ward off some unseen advance. It was made of tulipwood*» (Ninja).

Контекст позволяет догадаться о том, что это предмет маленького размера, вырезанный из дерева. Вероятно, это талисман или подвеска;

5. **займствование без перевода:**

«*Tokyo buzzed at his feet like a giant pachinko machine*» (Miko).

«*Nicholas was in the classic first position of yoroi kumi-uchi*» (Ninja).

Таким образом, по замечанию Н. А. Фененко, займствование средства номинации можно рассматривать как займствование опыта другого социума и средство расширения концептосферы культуры адресата [5, с. 72]. Можно также добавить, что использование в тексте займствованной лексики без авторского перевода создает своего рода дополнительную интеллектуальную интригу, заставляя читателя самостоятельно дешифровать текст.

Предпочтения в выборе того или иного способа выражения поясняющей мысли можно принять как особенности авторского идиостиля. Дэвид Гутерсон, например, в отличие от Эрика Ван Ластбадера не дает в тексте романа перевода японизмов, а использует функциональные возможности контекста. В целом, закономерностей в предпочтении определенных способов ввода той или иной тематической группы займствований, например, для названий предметов материальной культуры, не наблюдается. Напротив, можно привести отрывки, иллюстрирующие разные способы введения одного и того же займствования.

Введение займствования «bokku»:

«*The bokken, a curved piece of cherry wood three feet long, had been Kabuo`s great-grandfather`s*» (Snow Falling on Cedars).

«*Thus dressed in his gi, Nicholas went up a flight of perfectly polished wooden stairs. In his mind he heard the click, clack-click of wooden bokken clashing against each other*» (Miko).

«*On the contrary, these bokken are every bit as deadly as the katana is*» (Ninja).

В первом примере займствование вводится с его кратким толкованием, во втором смысл слова «bokken» становится понятен из контекста, а в третьем – смысл слова становится ясен только из крупного отрезка диалогической речи.

Интересно сопоставить способы введения ЯЗЛ в текст и классификацию приемов перевода реалий, представленную В. С. Кудряшовым: 1) предварительная семантизация реалий к контексту; 2) привлечение внимания к реалии с последующим описательным переводом; 3) использование функционального аналога или соответствия; 4) создание компаративного фона [4, с. 41]. Очевидной становится корреляция между способами ввода займствований и перевода безэквивалентной лексики. Следовательно, задача ввода японской займствованной лексики в художественный текст имеет много общего с задачей ее перевода, а автор художественного текста принимает на себя роль переводчика-просветителя.

Интересно, что займствованные из японского языка лексические единицы в тексте художественного произведения играют активную роль в реализации **коммуникативной стратегии достоверности и коммуникативной стратегии противопоставления (контраста)**, что можно проследить на примере таких функций займствованной лексики в художественном тексте, как функция организации пространства и времени (хронотопа) и функция создания образа персонажей.

• **Функция организации пространства и времени (хронотопа) в романе**

В исследуемых романах можно выделить две основные пространственные перспективы: Японские острова и территория за их пределами, чаще всего США. Известно, что топонимы и реалии выполняют роль локальных и темпоральных маркеров. Если говорить о лингвистическом статусе японских топонимов, то степень их известности определяет их принадлежность к группе окказионализмов, экзотизмов или займствований.

В художественном тексте можно встретить множество японских топонимов, как занесенных в словарь:

«*It was early in 1946 and this part of the world was still reeling from the emotional fall-out caused by the explosions at Hiroshima and Nagasaki; the effect was incalculable, the ramifications endless*» (Ninja),

так и не зарегистрированных в словаре:

«*At last, at the southern coastal town he took the ferry across Tsugarukaikyo to Aomori on Honshu's rocky northern tip*» (Ninja).

Читатель может лишь догадываться по фонемному составу слова о том, что место действия происходит на Японских островах. В данном случае мы имеем дело с реализацией коммуникативной стратегии достоверности, с “остранением” действия, с привязкой его к японскому узнаваемому носителями английского языка или псевдоузнаваемому ими географическому объекту. Для реализации данной функции особую роль играют японские имена собственные, ставшие также прецедентными в большем или меньшем объеме для носителей англоязычной культуры.

Функция противопоставления (контраста) наблюдается при противопоставлении или сравнении географических объектов или персонажей. Так, например, в следующем примере описание городов построено на контрасте, что позволяет дать большую информацию о них.

«One did not travel to Osaka for culture - one went to Kyoto, the country's original capital, for that. It was commonly said -mostly by the inhabitants of Tokyo - that Osakans were money-mad businessmen, greeting each other on crowded street corners with the all-too-familiar phrase 'Mo kari makka?' Making any money?» (Ninja).

Автор придает городу Осака особенное значение, создавая образ коммерческого центра, где все продается и покупается, где царит жажда наживы. В данном описании чувствуется негативный подтекст.

• **Функция создания образа персонажа-японца по контрасту с персонажами-американцами через портретное описание и речевую характеристику**

«He was dressed in montsuki and hakama; his blue-black hair was intricately coiffed in ichomage, marking him as yokozuna-a sumo grand champion. Sato introduced him as Koten. There was no doubt that he was a bodyguard» (Miko).

«We bend our heads, we bow and are silent, because we understand that by ourselves, alone, we are nothing at all, dust in a strong wind, while the hakujin believes his aloneness is everything, his separateness is the foundation of his existence» (Snow Falling on Cedars).

По замечанию Н. С. Валгиной, “любая речь в искусстве всегда по-своему правдоподобна: это наиболее вероятная, типичная, «закономерная» речь данного героя (или автора), она отвечает определенной целесообразности, не впадает в «крайности»... Наконец, она наиболее полно, объективно, всесторонне воплощает свой предмет и выражает своего носителя, отказываясь от всякой исключительности, от всего одностороннего, случайного, преходящего” [2, с. 143]. И персонажи японского происхождения в отличие от персонажей-носителей родной для англоязычных авторов англоязычной культуры, как правило, типизированы. Возможно, причиной типизации японских персонажей является влияние фактора их стереотипного восприятия, а также недостаток знаний автора об особенностях поведения японцев. Японская заимствованная лексика представляет, в первую очередь, японскую культуру, поэтому первоначально функциональная роль заимствований в категории ‘персонаж’ заключается в том, чтобы создать узнаваемый образ нации, а уникальный портрет представителя японской нации автор дорабатывает самостоятельно, в меру своих знаний и своего таланта.

Итак, тезисно, можно отметить, что японская заимствованная лексика выступает как средство создания образа японской нации по контрасту с носителями англоязычной культуры (введение множества реалий); развития авторского повествования о национальном характере (введение множества реалий, топонимов); номинации персонажей (использование японских антропонимов); описания внешности (введение японских прилагательных-окказионализмов); создания речевой характеристики (латинская транскрипция японской речи); изображения статусных взаимоотношений между персонажами (суффиксы -chan, -sama, -san).

Заимствования из японского языка могут также участвовать в создании импрессионной эквивалентности речи персонажей-японцев, что выражается в воссоздании специфических японских средств словесной образности в речи персонажей-японцев, причем авторы достаточно бережно пользуются приемом калькирования японских оборотов речи, применяя его не для создания комического эффекта, а для привнесения в речевую характеристику персонажа “остранения” с помощью воспроизведения образности, не характерной для английского языка.

My mother used to threaten to tear me into eight pieces if I knocked over the water bucket, or pretended not to hear her calling me to come home as the dusk thickened and the cickadas` shrilling increased (Across the Nightingale Floor).

В японском языке есть такое выражение "yatsuzaki ni suru", которое буквально переводится как «разорвать кого-то на восемь частей».

How thrilling, - I replied, but my heart was **as heavy as stone** at the prospect (The Brilliance of the Moon).

She is **as changeable as cat's eyes** (Grass for his Pillow).

Все это кальки японских идиом.

Итак, в результате проведенного исследования можно также говорить о том, что большая часть комплекса заимствованной лексики из японского языка относится к классу имен, носит номинативный характер. Тематическое разнообразие японской заимствованной лексики исторически обусловлено, ее количество в тексте англоязычного художественного произведения определяется индивидуальным авторским художественным замыслом, но следует отметить, что среди произведений, послуживших нам материалом для исследования нет ни одного, автор которого для показа жизни японцев не обращался бы к заимствованной лексике совсем. Таким образом, авторы, работающие с заимствованной лексикой, так или иначе, с одной стороны, опираются на фоновые знания своей аудитории о Японии и японцах и, с другой стороны, знакомят читателя с иностранной культурой в своей интерпретации.

Способы введения ЯЗЛ в художественный текст функционально близки способам перевода безэквивалентной лексики. В художественном тексте ЯЗЛ играет активную роль в реализации коммуникативной стратегии достоверности и коммуникативной стратегии противопоставления (контраста), что можно проследить на примере таких функций заимствованной лексики в художественном тексте, как функция организации пространства и времени (хронотопа) и функция создания образа персонажей.

Лингвостилистический анализ текста позволяет увидеть функциональные возможности ЯЗЛ для реализации коммуникативных стратегий, применяемых авторами для показа иной культуры, и отметить ее высокий потенциал к адаптации на всех языковых уровнях.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2004. 384 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
3. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989. 195 с.
4. Кудряшов В. С. Семантико-прагматический аспект перевода реалий // Тетради переводчика. М., 1989. Вып. 23. С. 40-48.
5. Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. Вып. 1. С. 70-75.
6. Clavell James. Shogun [Electronic resource]. 1993. URL: <http://www.greylib.su/?action=plugin&plugin=tags&tag=James+Clavell> (retrieved from: 20.09.2007).
7. Golden Arthur. Memoirs of the Geisha [Electronic resource]. 1997. URL: http://www.greylib.su/?category=englishengromance&altname=memoirs_of_a_geisha (retrieved from: 12.12.2009).
8. Guterson David. Snow falling on cedars. NY: 1-st Vintage contemporaries ed., 1995. 460 p.
9. Hearn Lian. Tales of Otori: across the nightingale floor. London: Young Picador, 2004. 306 p.
10. Hearn Lian. Tales of Otori: grass for his pillow. London: Young Picador, 2004. 306 p.
11. Hearn Lian. Tales of Otori: the brilliance of the moon. London: Picador, 2005. 352 p.
12. Rowland Laura Joh. Bundori: a novel of Japan [Electronic resource]. 1997. URL: http://www.greylib.su/?action=plugin&plugin=tags&tag=rowland_laura_bundori_a_novel_of_japan.rtf.zip (retrieved from: 15.01.2008).
13. Rowland Laura Joh. Shinju [Electronic resource]. 1994. URL: http://www.greylib.su/?action=plugin&plugin=tags&tag=rowland_laura_shinju.rtf.zip (retrieved from: 29.01.2008)
14. Van Lustbader Eric. Ninja [Electronic resource]. 1980. URL: <http://www.greylib.su/?action=plugin&plugin=tags&tag=Eric+van+Lustbader> (retrieved from: 12.10.2008).
15. Van Lustbader Eric. Miko [Electronic resource]. 1984. URL: <http://www.greylib.su/?action=plugin&plugin=tags&tag=Eric+van+Lustbader> (retrieved from: 14.11.2008).

УДК 43=30

Оксана Борисовна Глушко
Южный федеральный университет

ПРАГМЕМНЫЙ СОСТАВ НЕМЕЦКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПОЛУСУФФИКСАМИ[©]

На современном этапе развития немецкого языка модель образования прилагательных посредством полусуффиксальных морфем является высокопродуктивной. Полусуффиксы как вторые компоненты адъективных производных представляют собой словообразовательные элементы промежуточного типа, которые употребляются часто, фонетически и этимологически совпадают с соотносимыми полнозначными лексемами и отличаются от них произошедшим семантическим сдвигом в сторону абстрактности [4, с. 529]. В категории полусуффиксов нами признаётся наличие ядра и периферии с очень нечёткими границами. Поэтому можно выделить следующие полусуффиксальные морфемы прилагательных, отвечающие, по нашему мнению и мнению большинства лингвистов, всем критериям их выделения: *-arm*, *-fähig*, *-fertig*, *-frei*, *-gemäß*, *-gerecht*, *-reich*, *-voll*, *-wert*, *-würdig*. Данные словообразовательные форманты функционируют в системе немецкого языка наряду с самостоятельными словами *arm*, *fähig*, *fertig*, *frei*, *gemäß*, *gerecht*, *reich*, *voll*, *wert* и *würdig*.

В свете теории Ч. Пирса, немецкие прилагательные с полусуффиксами представляют собой знаки, то есть характеризуются синтактикой, семантикой и прагматикой [3]. Являясь разделом семиотики, языковая прагматика (прагмалингвистика) изучает отношения между языковым знаком и его пользователем (человеком), который его продуцирует или реципирует в процессе коммуникации. Каждый акт коммуникации содержит информацию не только о каких-то событиях, но и о мнениях, суждениях, оценках. Таким образом, речевой акт включён в прагматическую рамку: он осуществляется с каким-то коммуникативным намерением и направлен на то, чтобы вызвать у слушающего или читающего определённую реакцию. По мнению лингвистов, именно речевая интенция (намерение говорящего), или иллокутивный акт образует центр речевого акта [6, S. 162]. Прагматически ориентированную деятельность представляет собой и использование прилагательных с полусуффиксами говорящими на немецком языке людьми.